

Моск. новости -
1999 - 21 дек. - с. 24

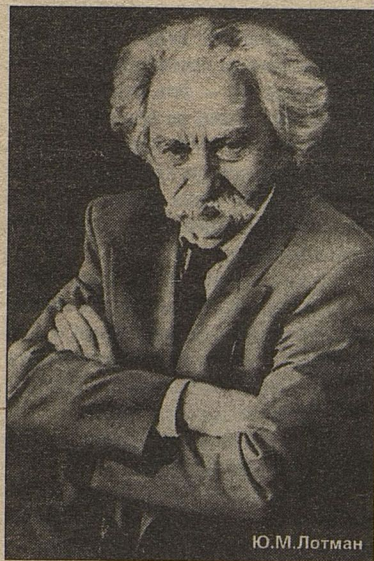
Выбор Лотмана

Вышла первая в России биография Юрия Михайловича Лотмана (1922 – 1993).

Ее написал давний друг Лотмана профессор Борис Федорович Егоров, а опубликовало издательство «Новое литературное обозрение». До 28 февраля 2002 года, когда исполнится 80 лет со дня рождения Лотмана, вряд ли будет столь же логичный повод вспомнить об этом великом литературоведе и культурологе. Признаюсь: перед тем как написать слово «великий», я остановился: может ли быть великим не физик-ядерщик, открывший природную тайну, не биолог, дешифровавший геном, а литературовед? В книге о Карамзине, написанной Лотманом, есть фраза о писателях, которые «*ложатся в землю родной литературы и становятся этой землей. Их наследие может утратить имя, перестать ощущаться как чье-то наследие. Оно делается почвой*». Вот такова посмертная судьба Ю.М. как ученого, в этом и есть «залог величия его». Труды и мысли, когда-то провоцировавшие ярые споры, воспринимаются как «научная азбука». Спорить уже не о чем, Лотмана надо просто учить.

Хотя издательство «НЛО» и выпустило книгу в серии «Научная библиотека», «научной» книгу не назовешь: это симбиоз воспоминаний, биографического очерка и описания всех научных работ Ю.М. с кратким раскрытием внутренней логики перехода от одной работы к другой.

Биографическая канва в общем-то проста. Интерес к литературе, проявившийся еще в школьные годы, учеба на филофаке Ленинградского университета, затем служба в армии в «мирный» предвоенный год и на фронте, где связист Лотман бегал с двумя катушками телефонного кабеля и бесчисленное число раз мог быть убитым. В 1946 — 1950 годах — опять ЛГУ, завершение учебы, пришедшееся на время разгула государственного антисемитизма. Студент, заканчивавший университет с печатными работами, сталинский стипендиат, участник войны с орденами и медалями и с выдающейся хвалебной характеристикой — все это не могло перевесить крамольной национальности. В Ленинграде на службу брать не хотел никто, и только в Тартуском учительском институте принять на работу еврея не побоялись. Забавно, но эстонским советским властям, занятым репрессиями, высылками в Сибирь, борьбой с «лесными братьями» и всеобщей ненавистью к советским оккупантам, было не до проведения в жизнь установок Москвы на борьбу с евреями. Через какое-то время Ю.М. уже оказался в Тартуском университете и занялся докторской диссертацией о русской литературе преддекабристского периода. В 1960 году он уже заведующий кафедрой русской литературы ТГУ, а в 1963 году произошло знаме-

Ю.М. Лотман

нательное знакомство с ним московских структуралистов и семиотиков. Открылся путь к тому Лотману, который в 1970 — 1980-е годы и был паролем, по которому узнавали своих, тех, кто пытался противостоять советскому официозному литературоведению.

Жаль, что Б. Егоров, создавая биографию Лотмана, не пошел тем методологическим путем, которым шел его герой, работая над биографиями Пушкина, Карамзина, декабристов, над обобщенной биографией людей XVIII — XIX веков. Главным для Лот-

мана-биографа был набор альтернатив, внутри которого человек делал свой осознанный выбор; поведение, жизненный путь возникали как результат выбора среди многих вариантов, а если выбора нет — то нет человека как такового, нет личности. В 1963 году Лотман выбрал принципиально новую методологию (взамен «тегелевско-раннемарксистской» с ее классовым подходом и идеей обусловленности человека средой), которую можно назвать антимарксистской, и именно этот выбор сделал одного из бесчисленных завкафедров русской литературы уникальным явлением.

И еще одно упущение Б.Егорова, о котором необходимо уведомить читателя его книги. Он не написал об историческом запросе на Лотмана. Речь идет о том страшном состоянии, в котором находилось советское официальное литературоведение в 1960 — 1970-е годы, когда его символом был Герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии по литературе, академик-секретарь отделения литературы АН СССР М.Б. Храпченко, знаменитый сталинский холуй. Б. Егоров много говорит об «эстонском контексте», о том, что слова «семиотика» и «структурализм» звучали как позывные научной оппозиции, о том, как с кафедрой Лотмана боролись, урезая из Москвы тиражи научных трудов, но почти ничего не сообщает о

страшной отсталости советского литературоведения, заключенного в идеологический концлагерь.

9 декабря 1949 года Б. Эйхенбаум записал в дневнике: «*Думаю, что надо пока оставить помыслы о научной книге. Этого языка нет — и ничего не сделаешь*». Лотман и начинает с создания языка науки и возвращается к 1920 — 1930-м годам, к плодотворным идеям ОПОЯЗа (прежде всего Ю. Тынянова) и Ольги Фрейденберг. Главная заслуга Ю.М. в том, что он собрал и синтезировал все плодотворное и ценное (включая и пришедший в Москву с Запада в начале 1960-х структурализм) и на этой основе двинулся дальше сам и дал мощный стимул другим. Он кинул камень в стоячую воду пруда, показав, что филологическое исследование может быть увлекательным и непредсказуемым по результатам поиском скрытых смыслов, а не написанием спокойных курсов истории литературы или игрой в «угадайку» с идеологическим отделом ЦК КПСС.

Вот об этой роли Лотмана, как «Ивана Калиты» и возмутителя всеобщего спокойствия, Б. Егоров, к сожалению, не написал. Книга получилась очень душевной, дружески теплой, но, может быть, как раз из-за этого «опрошения» историческая роль Ю.М. и оказалась несформулированной.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

Лотман Юрий Михайлович

21.12.99

104